

УДК 30+32

Евгения Александровна Иванова

аспирант

Учреждения Российской академии наук

Института философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург hljomalind@rambler.ru

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ПРЕОДОЛЕВАЯ ГРАНИЦЫ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье проанализированы возможности расширения методологических границ теории Современности. Рассматривая сущностные характеристики модернизационной парадигмы, автор обосновывает тезис о том, что аналитический потенциал данной характеристики в значительной степени иссяк. В этой связи возникает необходимость в кардинальном пересмотре ее базовых принципов и категорий, центральной среди которых является категория Современности.

Современность, модернизационная парадигма, современные институты, ситуационный подход к проблеме Современности, универсальность и множественность Современности, глобальное и локальное измерения Современности, глобализация.

В методологическом пространстве современной политической науки в качестве основного аналитического инструментария, предназначенного для анализа проблем политического развития, длительное время господствующие позиции занимала группа концепций, объединяемых под общим названием концепций политической модернизации. Оформление их базовых теоретических оснований пришлось на 50–60-е гг. XX в. и было неразрывно связано с актуальным историческим контекстом. Основным импульсом к возникновению и последующей разработке в структуре западной политической науки этого нового класса концепций послужила необходимость в теоретической интерпретации, равно как и в идеологической корректировке, направлений развития постколониальных обществ.

Эти задачи в сочетании со специфически западным культурно-историческим бэкграундом зарождавшейся модернизационной парадигмы обусловили основные родовые черты классических теорий модернизации. Так, важнейшим продуктом этих влияний стала присутствующая последним жесткая дуалистическая логика, которая по сути и определила их общий аналитический вектор. Бинарные оппозиции типа «традиционные общества – современные общества», «разви-

вающиеся страны – развитые страны», «авторитарные режимы – демократические режимы» и т.д. фактически стали каноническими элементами категориального аппарата модернизационных концепций.

Однако в процессе стремительной трансформации экономических, политических и социокультурных практик, охватившей во второй половине XX в. все без исключения участки географического пространства, применение существующих теорий модернизации в качестве аналитических моделей становилось все более проблематичным. Дело в том, что по мере расширения опыта имплементации модернизационных схем для анализа конкретных процессов все очевидней обнаруживались, с одной стороны, идеологическая ангажированность, с другой (методологически более значимой), – ограниченность и даже несостоятельность базовой для них дуалистической логики.

«Политическую подоплеку» в основаниях модернизационной парадигмы вскрыли и подвергли жесткой критике как западные исследователи [23], так и исследователи из так называемых «развивающихся» стран. Действительно, политико-прикладная задача теорий модернизации была вполне очевидной. Возникшие в США, они изначально развивались «как своего рода философское обоснование внешнеполитического курса этой страны в отношении государств Азии, Африки и Латинской Америки, которые рассматривались как потенциальный ресурс, способный обеспечить мировое лидерство Соединенных Штатов» [4, с. 417]. В этом смысле, к примеру, важную идеологическую функцию выполняло прочно укоренившееся в политической науке противопоставление так называемых «развитых обществ», отождествляемых с Западом в целом, обществ развивающимся, поскольку идеализация западной модели развития, ее утверждение в качестве единственно эффективного пути к «современному состоянию» создавали удобные предпосылки для активной экспансии – экономической, политической, культурной, идеологической и, как показала практика, даже военной в «отсталые» незападные территории.

Вместе с тем в этом жестком противопоставлении просматривались исторически присущие западной интеллектуальной культуре западоцентристские интенции. Попытки их осмысления с культурно-философских позиций, которые в 1980–1990-е гг. были предприняты учеными в рамках нового методологического направления, получившего название «постколониальных исследований», дают возможность под другим углом зрения рассмотреть и фундаментальные основания самих теорий модернизации.

Представители этого направления Эдвард Саид и Гайатри Спивак акцентировали внимание на проблеме репрезентации, права на которую в условиях господства западоцентризма незападные культуры фактически лишаются [21; 22]. Именно в интеллектуаль-

ном пространстве Запада в силу его доминирования над процессами производства знания продуцируются образы идентичности Других, в которых последним изначально отводится зависимое и подчиненное положение. В этом смысле самостоятельная репрезентация и формирование собственной устойчивой идентичности для постколониальных обществ становятся весьма проблематичными. Так возникает ситуация, в которой зависимые вынуждены воспроизводить характеристики и идеалы доминирующей культуры, чтобы уподобиться ей. Эту специфическую реакцию еще один представитель «постколониальных исследований» Хоми Баба назвал «колониальной мимикрией» [14].

В глубинных основаниях модернизационной парадигмы обнаруживается все та же латентная дискриминационная логика. Именно Запад определяется ею в качестве носителя универсальной «современной» идентичности в силу обладания рядом характеристик, которые приписываются самой Современности. Напротив, образ «отстающего», «развивающегося», «традиционного» общества складывается здесь из различий и несоответствий этим характеристикам, а их преодоление, то есть переход традиционного общества в современное состояние, достигается через мимикрию, уподобление данным нормативным свойствам. В этом смысле сама модернизация может быть проинтерпретирована как своего рода процесс мимикризации.

Ставшее непреложным законом теорий модернизации деление обществ на современные и традиционные в ближайшем рассмотрении обнаруживает пожалуй наиболее существенную методологическую проблему, позволяющую усомниться в аналитической эффективности рассматриваемых концепций. Ключевое противоречие кроется здесь в специфической трактовке самой Современности, которая, собственно, и направляет имплицитно их общую логику. Для классических модернизационных концепций характерно понимание Современности как *уже состоявшейся* реальности. Это роднит их с идеями конца истории, которые позже были высказаны известным либеральным теоретиком Френсисом Фукуямой [11]. Подобная методологическая посылка весьма спорна и вряд ли способствует чему-либо кроме «апологии существующего» [13, с. 211], что едва ли согласуется с требованиями научности. На уровне практики эта идея трансформируется в убеждение о существовании определенного набора институтов – социальных, политических, экономических и т.д., которые конституируют универсальный современный порядок. Как следствие их отсутствие или слабость в конкретном обществе с позиций модернизационной парадигмы расцениваются как признак нахождения последнего в «досовременном», или в лучшем случае, «переходном» состоянии.

Подобное понимание соответствующих Современности институтов послужило основанием для распространения практики их

«импорта» из другой, «внешней», институциональной среды как кратчайшей дороги к «современному» состоянию. Однако опыт такого прямого заимствования или «трансплантации» отнюдь не всегда оказывался эффективным, поскольку, как показывает практика, «трансплантированные институты часто «не приживаются» или «болеют»» [10].

Опуская вопрос о факторах, препятствующих нормальной адаптации «импортированных» институтов в новых условиях, который грозит увести настоящий анализ в иное проблемное русло, необходимо попытаться выйти за пределы упрощенного понимания Современности и современных институтов, разделяемого теориями модернизации.

Первая насущная задача, которую нужно решить на этом пути, заключается в необходимости помыслить Современность политически, вернуть ее в актуальный политический контекст. Для этого ее надлежит представить как реальность *еще становящуюся*, а не ставшую. Безусловно, подобный теоретический разворот идет в разрез с идеями о переходе от Модерна (Современности) к Постмодерну (Постсовременности), который, как предполагается, сопряжен с тем, что «траектория общественного отношения уводит от институтов модерна к новому типу общества» [9, с. 398]. Однако наличие знания об этом переходе «вовсе не означает, что такой переход уже совершился» [9, с. 398]. Именно данная идея незаконченности модерна [2, 7, 12] является необходимой методологической посылкой, позволяющей проблематизировать концепт Современности и вывести его из пространства истории (понимаемой в данном случае как состоявшееся и в силу этого неактуальное) в пространство политики. Это и есть забота о будущем [6, с. 64].

Следующим, принципиально важным методологическим шагом является отказ от свойственной теории модернизации установки на абстрагирование от культурно-исторического контекста.

Как пишет Юрген Хабермас, теория модернизации «отделяет модерн от его истоков – Европы Нового времени – и стилизует как образец для процесса социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении» [12, с. 8]. Соответственно, то же происходит и с социальными институтами, сформировавшимися в культурном пространстве Запада. Как следствие, являясь неотъемлемой частью лишь той ситуации Современности, в которой оказались западные общества, в рамках теорий модернизации эти институты позиционируются как универсальные, а значит и необходимые для модернизирующихся обществ в качестве единственного средства, позволяющего адаптироваться к Современности.

Однако на практике подобный подход к проблеме зачастую оказывается неэффективным. Как уже было показано выше, перенос институтов с Запада на иную культурную почву не только не помо-

гает решить уже существующие в данном обществе противоречия, но и нередко порождает новые.

В этом смысле, очевидно, что рассматривать проблему Современности, а следовательно и проблему *модернизации, понимаемой как способ существования в Современности* [2, с. 4], в отрыве от культурно-исторического бэкграунда конкретного модернизирующегося общества методологически неверно.

Под этим же культурно-историческим ракурсом следует обращаться также к вопросу о том, когда и какие институты могут претендовать на статус современных.

Ответ на данный вопрос обусловливается заявленным выше пониманием Современности как актуальной для всех обществ политической проблемы. «Там и тогда, где и когда данная (или любая другая) совокупность институтов, процедур, норм позволяла справиться с проблемой Современности, эту совокупность нужно рассматривать в качестве современной. Для других обществ и/или других времен, в которых и когда ей это не удалось, она не *оказалась* современной» [2, с. 16], пусть даже и позволила «это сделать другому или другим обществам в другое или другие времена» [2, с. 16].

С точки зрения теории Современности, данная позиция может быть осмыслена как отказ от ее универсалистского понимания в качестве целостного и однородного по своим характеристикам состояния реальности и одновременно как переход к ее «ситуационной» трактовке – неоднородной совокупности сингулярных ситуаций Современности.

Однако на данном этапе необходимо сделать еще одну принципиальную методологическую оговорку, чтобы избежать очередного упрощения исследуемой проблемы. Понимание Современности как совокупности множества ее сингулярных ситуаций отнюдь не означает, что у каждой политики свой собственный модерн, подчиняющийся лишь законам внутренней диалектики. В этом случае анализ данной проблемы не вышел бы за рамки сформулированного еще в XVIII в. гердеровского принципа историцистской индивидуализации, согласно которому каждая нация содержит центр своего счастья внутри самой себя, точно так же, как шар содержит внутри себя свой центр тяжести [19, с. 44]. Кроме того, как справедливо отмечает Джерард Деланти, следование этому принципу порождает еще одно существенное методологическое противоречие, поскольку умножение Современности до множества Современностей грозит лишить это понятие его собственной специфики, и в своей крайней форме сделать его неотличимым от понятия наций [16, с. 274].

Безусловно, то, что «плюралистический» подход к проблеме Современности требует дополнений и пояснений, очевидно не только на уровне теории, но и на уровне практики, где процессы внут-

ренного развития обществ обнаруживают все более тесную связь с процессами глобализации.

Опуская вопрос о том, является ли глобализация направляемым или спонтанным процессом, следует обратиться к ее сущностному содержанию. С позиций настоящего исследования ее можно определить как унификацию проблемы Современности в мировом масштабе, которую каждое конкретное общество тем не менее решает исходя из своих внутренних возможностей и культурно-исторического опыта. В этом смысле, говоря о проблеме Современности как о совокупности специфических ситуаций, необходимо учитывать умножающиеся пересечения тенденций внутреннего развития конкретных обществ с глобальным контекстом и нарастающее давление последнего.

Опираясь на это можно сформулировать, как представляется, наиболее полный и адекватный сложности проблемы подход к Современности. Ее необходимо понимать как конкретное (в пространстве и времени) состояние, которое возникает в результате столкновения глобального и локального и не сводится ни к одному из этих измерений [16, с. 274].

Вместе с тем пересечение локального и глобального контекстов, определяющее конфигурацию проблемы Современности, существенно осложняет решение вопроса о современных институтах. Действительно, основные институты, нормы, ценности и практики, в распространении которых, собственно, и воплощается глобализация, исторически имеют четкую географическую локализацию – это Европа и Северная Америка. В современном мире они так или иначе присутствуют в каждой политике дискурсивно и/или фактически. Где-то их удалось перевести на язык местных социокультурных практик и встроить в свой конкретный контекст. А где-то, в рамках конкретного политического сообщества, они выполняют деструктивную функцию, скорее не способствуя, а препятствуя модернизации.

В этой связи, учитывая, с одной стороны, обозначенное выше практическое обстоятельство, а с другой, не отступая от заявленного ранее понимания модернизации и современных институтов, представляется возможным задать адекватные методологические границы одному из ключевых понятий конвенциональных модернизационных теорий – понятию политической модернизации.

Политическая модернизация – это процесс формирования и функционирования в данном политическом сообществе таких политических институций, которые позволяют ему эффективно решать проблемы, порождаемые состоянием Современности.

В ставших классическими теориях политической модернизации 1950–1960-х гг. положение ключевых элементов, конституирующих политическое пространство Современности, несомненно, занимают институты демократии и гражданского общества. В значительной степени под влиянием этих мощных идеологических

схем в различных обществах их пытаются культивировать на уровне практики или по крайней мере на уровне дискурса. Как следствие, в общепринятом социально-политическом языке, разделяемом и властью, и общественностью, они давно стали синонимами прогрессивности и развития.

Вместе с тем к отстаиваемой теориями модернизации трактовке понятий демократии и гражданского общества при их ближайшем рассмотрении возникает множество вопросов, ставящих под сомнение правомерность использования этих влиятельных моделей для анализа развития современной политической сферы не только в «модернизирующихся» обществах, но и в обществах западных, которые, с точки зрения теорий модернизации, являются самим воплощением Современности.

Первый и, пожалуй, определяющий, методологический изъян избранного теориями модернизации подхода к анализу феноменов демократии и гражданского общества обусловлен характерной для них (описанной выше) склонностью к либеральной апологетике. В отношении понимания ими демократии и гражданского общества эта их склонность проявляется в твердой убежденности в том, что в западных обществах в основных чертах они *уже* состоялись.

Подобного рода апологетика, обнаруживается, к примеру, у Толкотта Парсонса, в теоретических построениях которого разработчики модернизационных концепций почерпнули существенную долю своих методологических оснований. Так, в одной из работ Парсонс по сути заявляет о том, что ценности демократических революций 1848 г. уже воплощены в действительность. «Наиболее привилегированные общества конца XX в., – утверждает он, – в такой степени преуспели в институционализации наиболее “либеральных” и “прогрессивных” ценностей того времени, что предсказать их успех столетие назад не смог бы никто» [5, с. 180]. Именно такие умозаключения, как отмечают Коэн и Арато, делают парсоновскую концепцию современного общества объектом “обвинений в буржуазной апологетике”» [5, с. 181].

Как следствие, исповедующие подобную логику конвенциональные представления о гражданском обществе и демократических институтах, структурирующих, по их общему убеждению, современную публичную сферу, как бы выпадают из исторического процесса, приобретая устойчивый нормативный характер.

Вместе с тем имплицитно присутствующие в этих теориях представления о «должной», единственно возможной и одновременно уже сложившейся конфигурации публичной сферы непрерывно отсылают к легко уловимому идеализируемому историческому образцу, а именно к тем реальным гражданско-правовым и политическим практикам и институтам, которые начали складываться на Западе в эпоху ранней Современности. И в не меньшей, если не в

большей степени, к концепциям, которые в те времена описывали и культивировали.

Примечательна в этом отношении судьба гражданского общества как концепта и праксиса, благодаря развитию которого, согласно классической политической науке, в западных обществах стала возможной демократизация.

По меткому выражению Франка Трентманна, «гражданское общество прожило тяжелую двойную жизнь» [24, с. 3], с одной стороны, в качестве чрезвычайно влиятельной идеи, с другой – в качестве реальных социально-политических практик. И если в последней своей ипостаси оно непрерывно трансформировалось в ходе истории, то в концептуальном воплощении оставалось, и в значительной степени по-прежнему остается, весьма устойчивым. Об этом свидетельствуют многочисленные конвенциональные теории модернизации и демократизации.

Однако совершенно очевидно, что любые попытки сопоставить наличное состояние институтов и практик «гражданского общества» (даже в западных странах) с его нормативным идеалом с неизбежностью ведут к неутешительным выводам.

Действительно, насколько правомерно в условиях поздней Современности (как того ее измерения, который задает глобальный контекст) соизмерять существующие социально-политические практики с образцами, актуальными для Европы XVI–XVIII столетий?

Постепенное вытеснение традиционного понимания гражданского общества как полиса по типу аристотелевского *politike koinonia* и *societas civilis* Цицерона его прежним и доминирующим до сих пор понятием связано с конкретными событиями и процессами в истории Европы, а именно – с кризисом досовременного социального порядка и разрушением существующих парадигм самой его идеи.

В значительной, если не в определяющей степени этот кризис был обусловлен теми структурными изменениями в социально-политической сфере, которые выражались в переходе от системы классического феодализма к абсолютизму [5, с. 134].

Если в условиях сословно-феодального государства монарх был первым среди равных, являя собой только один полюс власти, где второй прочно удерживался организованными корпоративными сословиями, то переход к абсолютизму приводит к слому этого властного дуализма. Происходит кардинальная переконфигурация политического пространства. По сути отныне только монарх как монополюсный держатель легитимных средств насилия остается в его пределах, выводя за рамки политики своих бывших конкурентов. Именно из этих деполитизированных, но по-прежнему организованных корпораций, наряду с нарождающимся классом буржуазии, и образовалась социальная база Просвещения. Уже в течение XVIII в. эти силы, организуясь специфическим образом, постепенно пере-

шли в оппозицию к государству. Так сложилось общество современной формации, в котором влиятельные сегодня политические теории продолжают видеть образец гражданского общества.

Опираясь на этот нормативный идеал большинство конвенциональных теорий гражданского общества приписывают последнему два основных и по сути конституирующих сам этот феномен свойства. Они считают гражданское общество сферой автономной (от государства) социальной жизни, образованной добровольными (построенными на принципах свободы и солидарности) ассоциациями [3, с. 28].

Однако насколько в исторической и современной перспективах этот нормативный концепт гражданского общества соответствует своему практическому воплощению? Многочисленные исследования общественно-политических практик разного времени позволяют утверждать, что это соответствие является весьма слабым.

Как отмечает Райнхарт Козеллек, уже в эпоху Просвещения прогрессивные общественные силы, обособленные от сферы политического и вследствие этого оценивающие политические решения исключительно с точки зрения морали, очень быстро утрачивают свой аполитичный характер, поскольку любые попытки противостоять государству с позиций морали неизбежно уводят в сферу политического, и даже сама мораль становится политическим фактором [20, с. 90]. Таким образом, силы гражданского общества, выступающие в оппозиции к государству, сами демонстрируют волю к власти. Примечательно, как отмечает Козеллек, что они сами не замечают сложной политической трансформации своих моральных намерений. В этом смысле опасность подобных действий гражданских сил состоит в том, что, разрушая своей критикой существующую модель политического, они не могут предложить ничего взамен.

Очевидно, что конститутивное для концепта гражданского общества условие автономности не выполняется по крайней мере еще по одной весьма веской причине: институты, которые конвенциональные политические теории относят к гражданскому обществу, не в меньшей степени, чем любые другие в современных условиях, оказываются подверженными жесткой логике экономизации.

Как отмечает в своей работе «Структурная трансформация публичной сферы» Юрген Хабермас, пропорционально усилению доминирования капиталистического способа производства форму обмена приобретали и социальные отношения [17, с. 74]. В результате логика рынка «колонирует» гражданское общество, а изначально приписываемые его институтам функции незаметно замещаются получением экономической выгоды. Этому в реальной социально-политической практике можно найти убедительные примеры [15, с. 94].

Вместе с тем экономизация «захватывает» гражданское общество и на более глубоком, культурном уровне. Формирование культуры потребления и стандартизация досуга приводят к ситуации, когда те, из кого оно по идее и должно состоять, постепенно утрачивают способность мыслить критически, а значит – мыслить и действовать автономно. В результате из субъекта действия, каким гражданское общество видят влиятельные сегодня политические теории, в современных условиях оно постепенно превращается в объект манипуляции, при помощи которой общественные силы периодически мобилизуются для решения тех или иных проблем.

В этом контексте весьма сомнительное звучание приобретает заявленный выше тезис о добровольности как конститутивном принципе гражданского общества.

Очевидно, что принцип добровольности предполагает наличие свободной воли к активному участию в общественных делах у потенциальных членов различных гражданских организаций и ассоциаций или просто самостоятельных субъектов. Однако реальная практика многих современных государств, в том числе и западных, указывает на то, что необходимая для гражданского общества добрая воля постепенно иссякает.

Показателен в этом отношении пример Соединенных Штатов, которые Толкотт Парсонс считал «лидером современной системы» [8]. Как отмечает Б.Г. Капустин, в этом оплоте гражданского общества все чаще инициатором поддержки его институций выступает государство. «Так, в США в октябре 1995 г. Дан Коутс (Dan Coats), республиканский сенатор от штата Индиана, выступил с пакетом законодательных инициатив (всего 19 законопроектов), направленных на усиление государственной поддержки структур гражданского общества (от семьи и соседских общин до церквей и волонтерских организаций). Их деградация, по его мнению, уже стала «культурной болезнью» Америки» [3, с. 29].

Вместе с тем не меньшие сомнения вызывает распространенная ныне практика финансирования гражданских институтов различными наднациональными организациями, такими, например, как Всемирный Банк, одной из программных целей которого провозглашается способствование устойчивой глобализации [1].

Отсюда возникает закономерный вопрос. Если для существования и функционирования институтов гражданского общества в современных условиях требуется их опека со стороны государства, от которого, согласно общепринятому представлению, функционирование данных институтов или любого другого субъекта извне не зависит, то насколько адекватно и аналитически ценно понятие гражданского общества в его конвенциональной трактовке?

В данном контексте убедительно звучит точка зрения Йорана Терборна, согласно которой ярко выраженный нормативный харак-

тер концепта гражданского общества делает его малопригодным для аналитических целей. Более того, как полагает ученый, приложение этого концепта к эмпирической действительности обычно скрывает многие детали социальной и политической реальности, превращая сам концепт в ложную идеологию [цит. по: 18, с. 62].

Следуя в русле той же критической логики, Б. Капустин призывает отказаться от нормативного понимания гражданского общества как постоянного структурного компонента современного общества. По мнению ученого, оно является лишь возникающей и исчезающей характеристикой способа деятельностного самопреобразования общества, но никак не его гарантированным атрибутом [3, с. 36]. Только в таком динамическом качестве они обретают свойства современных и актуальных.

Проблема, однако, состоит в том, что в новых глобальных условиях подобные вспышки витальной гражданской активности становятся все более тусклыми. И не столько в силу своей субъективной слабости, сколько в силу объективной ситуации глобализации, которая обладает парадоксальной способностью органически встраивать любой язык протеста в свою собственную знаково-символическую систему, превращая оппозиционные дискурсы в структурные элементы в целом легитимного глобального миропорядка. Это правило подтверждают даже предпринимающиеся в последнее время различными силами попытки концептуального обоснования и практической реализации проекта «глобального гражданского общества», которое, по задумке авторов идеи, призвано стать альтернативой глобализации «снизу». Как показывает практика, этот проект вряд ли способен составить конкуренцию складывающемуся глобальному миропорядку. Напротив, он достаточно быстро растворяется в нем. Антагонист и протагонист становятся все менее различимы.

Таким образом, те институты, на которые традиционно уповает политическая теория, оказываются неспособными дать адекватный ответ на вызовы глобализующейся Современности. Очевидно, что преодолеть их посредством точечных действий и локальных альтернатив находясь в границах системы невозможно. Для этого необходимы новые глобальные утопические альтернативы, которые в теории пока не сформулированы. Однако анализ существующих социально-политических институтов и описывающих их теорий, среди которых наиболее влиятельными в аналитическом и идеологическом смысле по-прежнему остаются теории модернизации, безусловно, способствует такому поиску. Дальнейшая последовательная деконструкция их базовых концептов является непременным условием преодоления того репрессивного давления, которое модернизационная парадигма продолжает оказывать на политическую теорию. И не в последнюю очередь через свой особый язык, освобождение от кото-

рого и выработка нового, позволяющего «ухватить» не только контуры, но и глубину Современности, является без преувеличения сверхзадачей актуальной политической науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всемирный Банк: цели [электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного Банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTRUSSIANHOME/EXTRUSSABOUTUS/0,,contentMDK:21489096~menuPK:4224840~pagePK:51123644~piPK:329829~theSitePK:2871872,00.html> (проверено: 27.09.2010).
2. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 308 с.
3. Капустин Б.Г. Что такое «гражданское общество»? // Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. С. 27-42.
4. Категории политической науки. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) // Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 656 с.
5. Коэн Джин Л., Арато Эндрю. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. 784 с.
6. Мартьянов В.С. Космополитическая империя // Свободная мысль, 2009. № 7. С. 51-66.
7. Мартьянов В.С. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 341 с.
8. Парсонс Т. Система современных обществ [электронный ресурс] // Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/06.php (проверено 27.09.2010).
9. Петренко Е.Л. Ю. Хабермас размышляет о модерне // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М.: Весь Мир, 2008. С. 395-410.
10. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России, 2001. № 3 // Критика российских реформ отечественными и зарубежными экономистами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusref.virtbox.ru/polt.htm> (проверено 27.09.2010).
11. Фукуяма Френсис. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2004. 592 с.
12. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М.: Весь Мир, 2008. 416 с.
13. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М.; СПб.: Медиум; Ювента. 311 с.
14. Bhabha H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // The Location of Culture. N.-Y.: Routledge, 1994. P. 121-131.
15. Chambers S. A Critical Theory of Civil Society // Alternative Conceptions of Civil Society. Princeton: Princeton University Press, 2002. P. 90-112.
16. Delanty G. Modernity and the Escape from Eurocentrism // Handbook of Contemporary European Social Theory. N.-Y.: Routledge, 2006. P. 266-276.
17. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1991. 301 p.
18. Herbert D. Religion and Civil Society: Rethinking Public Religion in the Contemporary World. Aldershot: Ashgate Publishing, 2003. 322 p.
19. Herder J. Auch Eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit (1774). Frankfurt am Main, 1967. 159 s.
20. Koselleck R. Critique and Crisis. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Oxford: Berg Publishers Ltd., 1988. 214 p.

21. *Said E.* Orientalism: Western Conceptions of the Orient. N.-Y.: Vintage Books, 1979. 432 p.
22. *Spivak G.* Can the Subaltern speak? // The Post-colonial Studies Reader. N.-Y.: Routledge, 1995. P. 28-37.
23. The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power. London: Zed Books Ltd., 1992. 320 p.
24. *Trentmann F.* Paradoxes of Civil Society // Paradoxes of Civil Society: New Perspectives on Modern German and British History. N.-Y.: Berghahn Books, 2003. P. 3-46.

RESUME

Evgeniya Alexandrovna Ivanova, post-graduate student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, hljomalind@rambler.ru

Modernity as a Political Problem: Beyond the Modernization Paradigm

The article explores the prospects of expanding the methodological scope of the theory of Modernity. The author analyses the intrinsic features of the modernization paradigm and argues that its analytical potential is wearied out to considerable degree. Therefore, the radical revision of its basic principles and categories, primarily, of the core category of Modernity, is the pivotal issue.

Modernity, modernization paradigm, modern institutions, situational approach to the problem of Modernity, universality and multiplicity of Modernity, global and local dimensions of Modernity, globalization.

Материал поступил в редколлегию 30.09.2010 г.